Татьяна Прокофьева

ЗНАКОМ ОН ВАМ? – И ДА И НЕТ

А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеичем
Поужинать в Яр заскочить хоть на четверть часа
Б. Окуджава

А как, правда, хотелось бы пообщаться с живым Пушкиным. Думается, он такой интересный человек, приятный собеседник, поражающий глубиной интеллекта, каких сейчас нет. Так много уже написано о нем, что подчас его образ сглаживается, за ним теряется человек со свойственными ему страстями, радостями и печалями. Помните, у Маяковского: «Я люблю вас, но живого, а не мумию». Давайте попробуем, если не поужинать с Александром Сергеевичем, то хотя бы посмотреть на Пушкина – человека, поговорить о нем на языке соционики.

Соционика изучает психологические типы людей с помощью восьми функций, описанных К. Г. Юнгом. Каждая из этих функций, попадая в одну из восьми ячеек информационной модели психологического типа, становится или базовой, или творческой, ролевой или точкой наименьшего сопротивления, суггестивной, референтной, ограничительной, «без слов на деле». Так и получаются различные психологические типы – в зависимости от того, какая из функций оказалась в какой ячейке. Другими словами: типы личности – это разные способы обработки информации о мире – кому какой удобнее.

С детства все мы помним замечательные сказки Пушкина. Вот что писал сам поэт: «Слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Он умел увидеть необычное, непривычное для своего круга, постоянно расширять свой кругозор и об этом необычном рассказать нам, своим читателям.

Это умение замечать в мире необычное, сказочное, невероятное и рассказывать об этом с воодушевлением многим людям – наиболее характерная черта представителей соционического типа, называемого интуитивно-этический экстраверт. Специалисты по соционике часто для краткости называют этот тип псевдонимом Гексли. Такое название тип получил по имени английского естествоиспытателя, соратника Ч. Дарвина и популяризатора его учения Томаса Генри Гексли (Huxley). Его искренняя увлеченность теорией Дарвина, восторг, с которым он рассказывал о ней своим слушателям, заставили весь мир поверить, что все мы произошли от обезьян. И только век спустя человечество начало выходить из-под гипноза зажигательных речей и задумываться, а на самом ли деле все это так? Такова сила обаяния людей типа Гексли – обычно талантливых журналистов, литераторов, популяризаторов, психологов, специалистов по связям с общественностью. Кроме Пушкина к этому типу принадлежат: М. Твен, Д. Карнеги, Ю Никулин, В. Вишневский, Ю. Соломин, М. Боярский, Д. Копперфилд, М. Мастрояни, П. Ришар, В. Коклюшкин, В. Леонтьев, Е. Шифрин, С. Ротару, Б. Брыльска, Г. Хазанов, А. Вертинская.

Посмотрим, что еще общего есть у английского естествоиспытателя и нашего замечательного поэта.

***

Первая функция типа – базовая, основа личности и интеллекта. Для Гексли это *интуиция возможностей*
, т.е. все, что связано с новыми идеями, перспективами, потенциальными возможностями, способностями людей. Такую информацию человек воспринимает адекватно и поэтому может в ней быть экспертом. Интуитивно-этические экстраверты видят потенциальные возможности людей и отношений, перспективы реализации проектов и предприятий. Они обладают целостным видением картины взаимоотношений, легко прогнозируют их развитие. Не упускают возможности обратить внимание окружающих, как на себя, так и на тех, кого они любят. Разбираются в способностях людей. Хорошо чувствуют их скрытые побуждения и недостатки. Способны даже предсказывать поведение окружающих. Увлекшись какой-либо идеей, охотно ее рекламируют, становясь ее активными сторонниками. Не приемлют предрассудков.

О людях с базовой функцией *интуиция возможностей* часто говорят, что они «рассказывают сказки». Кто-то относится к таким рассказам с недоверием, но вскоре убеждается, что предсказания непонятным образом сбываются. Вот так и с Пушкиным:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа…

Главное, что отличает Пушкина от современных ему поэтов, да и от последующих тоже, -- это жизнеутверждающая сила его поэзии, искренняя вера в светлое, в лучшее, несмотря ни на какие притеснения. А вместе с этим – уверенность в своей нужности будущим поколениям. Пушкин четко осознавал свое место среди современников, но никогда не кичился этим. Просто знал, и все

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

А ведь при жизни его не считали великим поэтом, большое будущее пророчили поэту Кукольнику, о котором теперь редко кто вспоминает.

У Пушкина была своя, четкая и ясная целостная картина мира, собственный взгляд на вещи. Спокойно и уверенно он втолковывает отцу Лариону, священнику в Михайловском: «Есть бог, значит, есть и черти. Об этом, ведь и в писании ясно сказано. Да ты не трясись и не крестись. Это и самому Богу не очень-то ведомо». Очень верно он судил и о людях, не зря знавшие Пушкина называли его проницательнейшим из людей. «А какая сила стоит в сердце твоем – чистая или нечистая? По-моему, нечистая!» – рявкнул Пушкин не в меру любопытному попу. Интуиция возможностей позволяет видеть обман, дает основания не верить лживым словам.

Сильная интуиция возможностей позволяет человеку легко ориентироваться в ситуациях неопределенности, не теряться, когда все вокруг резко меняется, так, что, кажется, почва уходит из-под ног, испытывать от этого удовольствие.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Интуиция возможностей – это и способность делать правильный выбор, что часто непросто: выбор предполагает перебор многих вариантов, учет возможностей каждого, последствий своих действий. В первую очередь для Гексли это связано с людьми, друзьями. Вот пример. Как известно, дуэли в России были запрещены еще петровским указом 1702 года, все участники поединка, включая секундантов, подлежали суровому наказанию. Выбор полковника К. К. Данзаса в качестве секунданта на последней дуэли Пушкина, по всей видимости, не случаен: заслуженный офицер, получивший ранения в боях и отмеченный высокими наградами, он мог рассчитывать на снисхождение, к тому же он не делал карьеры и был человеком одиноким. Расчет Пушкина в отношении судьбы Данзаса оправдался: он был подвергнут нестрогому наказанию (гауптвахта) и полностью реабилитирован.

***

Трепетное отношение к друзьям – это уже проявление второй, творческой функции типа Гексли – *этики отношений,* включающей умение видеть и правильно оценивать чувства людей, их симпатии и антипатии, умение не обидеть, а обидев, вовремя извиниться, проявить человечность. По творческой функции человек быстро усваивает информацию и даже генерирует ее сам.

Мы еще из школьного курса литературы помним его прекрасные стихи, посвященные друзьям по Лицею, дружбу с которыми он пронес через всю жизнь. А. П. Керн вспоминает: «Пушкин часто говорил: «Злы только дураки и дети». Несмотря, однако ж, на это убеждение, он бывал часто зол на словах, но всегда раскаивался». В общении с людьми Пушкин был неоднозначен. К творческой функции нельзя подходить с заранее заданными мерками.

Гексли обычно общительны и эмоциональны, способны найти подход практически к любому человеку в случае необходимости. В этом им помогает природное обаяние и дипломатичность. Говорят комплименты, стремятся сделать людям приятное. Однако быстро разочаровываются в объектах своих симпатий. Из-за желания поддерживать со всеми хорошие отношения, перегружают себя лишними контактами. В разговоре могут порой рассказать лишнее.

Вот что пишет А. П. Керн: «Он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, -- и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту». Из письма Пушкина Керн: «Я снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, а подчас ненавижу, что третьего дня я рассказывал о вас ужасные вещи, что я целую ваши прекрасные ручки…»

Так все-таки «люблю» или «ненавижу»? «Любезен» или «дерзок»? Такова творческая функция, по ней все неоднозначно, непредсказуемо, полно неожиданных решений. Но и экспертом и критиком по ней человек выступает с полным правом. Вот какие советы давал Пушкин младшему брату Льву, только вступавшему в светское общество: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить, ты не слишком сильно ошибешься. Презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоем в свет».

Люди типа Гексли обычно любимы друзьями и женщинами. Их чувства богаты, проявления чувств яркие. Но неоднозначный, творческий характер этики отношений у них приводит к тому, что такие люди могут легко обижать тех, кого любят, впрочем, также легко они извиняются, мирятся. Яркий пример тому – известная дуэль Пушкина с его лицейским другом В. Кюхельбекером, который вызвал Пушкина на дуэль за стихотворную шутку:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно!

Первым стрелял обиженный Кюхельбекер. Когда он начал целиться, Пушкин закричал секунданту Дельвигу: «Стань на мое место, здесь безопаснее!» Пистолет дрогнул, и пуля пробила фуражку на голове Дельвига. Автор эпиграммы от выстрела отказался.

***

Если спросить, что люди знают о жизни Пушкина, то большинство наверняка ответит: огромный донжуанский список, друзья, Лицей, эпиграммы, дуэли. Интересно, что в свидетельстве об окончании Лицея отмечены превосходные успехи Пушкина в словесности и в фехтовании. Видимо, эти таланты сошлись вместе в его эпиграммах. Эпиграммы и дуэли… Они отражают задиристый характер Пушкина. И создается впечатление, что ни к тому, ни к другому Пушкин не относился серьезно. Биографы насчитывают около 15 «дел чести». Такое несерьезное отношение к опасности, проявление отваги там, где можно было бы и обойтись без этого – проявление третьей, ролевой функции, для интуитивно-этических экстравертов это *волевая сенсорика*. К ней относятся: овладение пространством, внешность, форма, масса, сила, власть, влияние, желания, тактика, чувство своей территории. Человек для того, чтобы освоиться в непривычных для себя условиях играет роль, старается блеснуть по этой функции, но относится он ко всему этому несерьезно, ему все это быстро надоедает. По сути это слабая функция. Здесь важны общественные нормы, ожидания социума.

Адаптируясь в незнакомой ситуации, Гексли обычно проявляют себя как сильная личность: они красивы и достаточно решительны. Делать же ежедневные волевые усилия над собой они вряд ли будут, если их не заставят обстоятельства. Стрессоустойчивы, в экстремальных условиях мобилизуются, могут дать решительный отпор. Любят красивые вещи, стремятся оригинально одеваться.

Вот как описывал свой характер сам Пушкин. В письме своему приятелю писал о себе: «неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый обновременно».Весьма критично относился он и к своей внешности: «Хорош никогда не был, а молод был». «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит» – благодарственные строчки художнику О. А. Кипренскому.

Такие люди любят похвалиться больше для себя, чем для окружающих. Мы знаем, как Пушкин, написав «Евгения Онегина», приплясывал и приговаривал: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын, какой роман написал!»

Что отличало Пушкина, выделяло его среди современников? Стремление к свободе, вольнолюбивый настрой.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Он не терпел кем-то установленных рамок. Его стихия – свободный полет фантазии. В начале ссылки в Михайловском его охватило привычное с детства чувство бешенства. Он видел, как шпионил за ним священник Ларион Воронецкий, как насторожилась семья.

Освоение нового пространства для Гексли – дело нелегкое. С. С. Гейченко, хранитель музея–заповедника Пушкина, пишет: «Он долго привыкал к Михайловскому дому. Беседовал сам с собой: зачем ему в сущности все эти хоромы?.. Еще в лицее он понял великое таинство уединения, «жития в пещере»... В одной комнате он чувствовал себя как-то собранней, крепче. В ней все под руками, все только нужное. Никакой тебе суеты, гофинтендантских штучек и красивостей. Нет, никогда, никогда он не станет жить многими хоромами! Никогда и ни на что он не променяет свою каморку-норку, свою пещеру, светелку с заветным сундучком-подголовничком, дорожной лампадкой, чернильницей и верным кожаным баулом!

А как проявлялась волевая сенсорика Пушкина, когда кто-то без разрешения вмешивался в его дела? Отец Ларион, воспользовавшись отсутствием Пушкина в комнате, решил посмотреть его книги. Дверь вдруг распахнулась и в комнату влетел Пушкин. Поп не успел положить книгу на место. Застигнутый врасплох, он покраснел, как вареный рак. «Все любопытствуешь, отец Ларион? – усмехнулся Пушкин и, взяв со стола щипцы-съемцы, поднес их к носу попа. А ты знаешь, что с любопытным случилось на балагане? А?» Резкое движение или взрыв бешенства при чувстве посягательства на свою территорию – наиболее характерные проявления волевой сенсорики в качестве ролевой функции.

***

Переходим теперь к самому неприятному для каждого человека – к болевой точке или месту наименьшего сопротивления. Информацию по этой функции трудно воспринимать адекватно, подходить к ней творчески, поэтому человека лучше не критиковать по таким вопросам. Даже похвалу по болевой точке воспринимают с трудом. Здесь уместна аналогия с физической болью: больное место лучше не трогать никак — ни с целью погладить, ни с целью уколоть. Для интуитивно-этического экстраверта это *логика отношений* ,
все, что связано с анализом, системами, правилами, формальностями, математикой, официальными отношениями, умением соблюдать дистанцию.

В правилах, инструкциях не связанных с человеческими отношениями Гексли часто теряются, предпочитают, чтобы им кто-нибудь показал, как работает конкретный прибор. В понимании законов, принятии формальностей нуждаются в тактичной помощи. Не любят регламентации и строгих правил, стесняющих их независимость. Противники чинопочитания.

Современники вспоминают, что к занятиям в Лицее Пушкин был подготовлен лучше, чем многие его товарищи. Но он вовсе не думал это как-то выказывать. Напротив, как пишет И. Пущин, «все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр.…» Как известно, Пушкин имел в Лицее «0» по математике, но ведь от этого он не перестал быть Пушкиным.

В зрелые годы эта функция доставила намного больше неприятностей. Его приводило в бешенство нарушение элементарных человеческих прав: Запреты ездить к друзьям в другие города без разрешения Бенкендорфа. Пушкина не выпускали за границу, перехватывали его личные письма, читали их. Тогда с помощью тех же писем он повел наступательную кампанию за свои права. «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство буквально»,– писал он в письмах жене. И здесь же весьма оскорбительные слова в адрес правительства, читавшего эти письма.

Это то, чего не любил Пушкин. А что он любил?

***

Пятая функция в модели типа – суггестивная, это «входные ворота» для информации. Для интуитивно-этического экстраверта это *сенсорика ощущений*: комфорт, отдых, здоровье, самочувствие, ощущения, эстетика, гармония. Такую информацию Гексли воспринимают некритично, с доверием, запоминают без анализа. Здесь человеку требуется помощь, забота.

Гексли любят, чтобы о них позаботились, накормили, организовали уют и комфорт. Самим же им чтобы одеться по погоде, наладить быт требуются усилия и сосредоточенность. Оригинальность предпочитают практичности.

А. П. Керн вспоминает, как мать Пушкина, Надежда Осиповна, заманивала его к обеду *печеным картофелем*, до которого Пушкин был большой охотник. И еще: «Он не умел скрывать своих чувств и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его. Так, один раз мы восхищались его тихою радостью, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме *охотничий рог* на *бронзовой цепочке*, который ему нравился. Читая письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant! Charmant!»

А вот отец Ларион пожаловал в гости, положил на стол узелок, полный просвирок, горяченьких, только из печи. Пушкин схватил узелок и стал его развязывать. Просвирки выскочили на стол, как ядреные бабки, и тут он затараторил, как сорока на сосне: «Уважаю тело Христово. Эх, дух, дух-то какой! Отче Ларивоне, а ведь недурно бы к этому телу добавить и крови бога живого. А? Вы ведь вкушаете, я знаю…»

Хорошие привычки, усвоенные человеком по пятой функции в детстве, поддерживают его потом всю жизнь. Строгий распорядок шестилетней жизни в Лицее (подъем в 6 утра, отбой в 10 вечера) с регулярным питанием, чередованием умственных занятий и отдыха, обязательными трехразовыми прогулками, хорошими гигиеническими условиям

благоприятно отразился на его физическом развитии, а скромная обстановка его «кельи» (железная кровать, комод, конторка, за которой он занимался, стул, стол для умывальника) сделала его непритязательным в быту. Примерно те же предметы, втиснутые в одну комнату (зато все необходимое под рукой), нашел И. И. Пущин, навестивший друга в Михайловском зимой 1825 года: «В этой небольшой комнате помещалась кровать с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого Лицея писал обглодками, которые едва можно было держать в пальцах)».

Человеку с такой пятой функцией легко отвлечься от насущного, от сиюминутных ощущений, быть неприхотливым в еде, отвлекаться от сильной боли, переключаясь на другие мысли. «Ем я печеный картофель и яйца всмятку… Вот мой обед», -- пишет он Наталье Николаевне. Врачи отмечали после дуэли, что отсутствуют жалобы на боли и слабость. А. С. громко и ясно спрашивал об опасности ранения. Перспективы выздоровления для таких людей намного важнее ощущения боли, однако, приятные ощущения в трудных ситуациях служат поддержкой, отвлекают от тяжелых мыслей.

Менее чем за час до смерти ему захотелось моченой морошки. Он с нетерпением ожидал, пока принесли. Вкус болотной ягоды – последнее приятное ощущение, которое испытал Пушкин.

***

Шестая функция в модели типа – референтная. Это слабая функция, непригодная для творческой работы, однако, обучение по ней происходит настолько легко, что может дать хорошие результаты. Для интуитивно-этического экстраверта это *логика действий*. К ней относятся движения, действия, факты, знания, понятия о пользе, выгоде, целесообразности, умение разрабатывать технологии, методы. По шестой функции человек ориентируется на мнение референтной группы, не противопоставляет себя ей. Как зададут в разговоре, так и реагирует. Функция нуждается в комфортном обеспечении, так как человеку трудно по ней противостоять обстоятельствам.

По организации рабочего места, разработке технологий Гексли нуждаются в помощи партнера. Для них бывает трудно решить, как заработать деньги, обеспечить семью. Им

трудно все время быть организованными и практичными. Порой им не хватает терпения и тщательности, они не всегда доводят начатое до конца. Однако они очень уважают знания, любят книги.

Из воспоминаний современников мы видим, что и Пушкину было нелегко организовать свою работу. Чтобы не отвлекаться на посторонние шумы, он запирался в своей каморке, приказывая всем не тревожить его под страхом гнева. Без задвижки – крепкой щеколды – и спущенных на окнах шторах он работать не мог.

Проблема материального обеспечения семьи не давала покоя поэту. Тема эта периодически возникала в переписке с Натальей Николаевной. «У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Все держится на мне и на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны». Но до поединка с Дантесом он так ничего радикального и не придумал, хотя в конце 1836 года предпринял даже попытку отдать в уплату долга свое нижегородское имение. Однако у него дома было сосредоточено колоссальное богатство – полный стол неопубликованных произведений.

Шестая функция у каждого человека по-детски доверчива. Информация по ней, как и по пятой, воспринимается с благодарностью, отвлекает от неприятного. Не случайно смертельно раненого Пушкина положили в его рабочий кабинет. Книги сейчас действовали на него лучше всякого успокоительного. Мысль о необходимости выполнения ряда неотложных дел отвлекала Пушкина от мыслей о приближающейся смерти.

***

И в любые времена мысль о смерти неотделима у Пушкина от сознания вечного движения жизни, закономерности смены поколений. Он уверен, что жизнь не оборвется, а будет продолжена «младым незнакомым племенем»:

Младенца ль милого ласкаю
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:

Мне время тлеть, тебе цвести.

Здесь уже проявления седьмой функции в модели типа – ограничительной. Для типа Гексли это *интуиция времени*: будущее, прошлое, процессы во времени, учет ошибок, молодость – старость, распределение времени, планы, предчувствие, прогноз, стратегия. Седьмая функция – самая сильная у каждого человека. С ее помощью он может оградиться от любых нежелательных воздействий, ограничить излишнюю активность окружения. Сила этой функции и скорость ее включения определяют зону подсознательной уверенности человека.

Гексли по характеру быстрые, успевают за короткое время осуществить много контактов, побывать во многих местах. Будучи в напряженной ситуации ограничивают других фразами типа: «мне некогда сейчас об этом думать!» или ускорением ритма. Однако из-за того, что информацию по подсознательной функции трудно все время держать в поле зрения, они часто опаздывают, не успевают сделать намеченное к сроку, склонны отвлекаться на другие дела.

Современники Пушкина вспоминают, как вдруг обретенная свобода после окончания Лицея вскружила ему голову. Началась безудержная жизнь: балы, театры, пирушки. На поэзию почти не оставалось времени.

Несколько оторванный от земного, сиюминутного, конкретного, Пушкин больше настроен на завтрашний день:

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Глубинный интерес к родной истории, к «преданьям милой старины» – еще одно проявление сильной интуиции времени. В письме к П. Я. Чаадаеву он писал: «я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя…но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших

предков, такой, какой нам ее Бог дал».

***

Многие знавшие Пушкина, отмечают его эмоциональную обостренность, страстность, пылкость, порывистость, чувствительность к насмешкам, обидчивость, нетерпеливость, неистощимую подвижность ума, влюбчивость – не зря тип Гексли часто называют Дон Жуаном. Как замечательно удался Пушкину этот образ! Он выведен прочувствованно, как бы изнутри. А уж донжуанские списки Пушкина … Впрочем об этом знают все.

Все это проявления восьмой функции, реализующейся без слов на деле. Для интуитивно-этического экстраверта это *этика эмоций*: умение адекватно оценить эмоции людей: смех, плач, энтузиазм, печаль, страх, романтизм, тревогу, панику, радость. Восьмая функция включена в работу практически всегда, образует фон всей жизни человека. По ней не следует стремиться к творческой работе, зато это надежная опора в любых ситуациях.

Интуитивно-этические экстраверты эмоции проявляют часто, бурно, непосредственно. Людям бывает трудно не поддаться на рекламу, которую осуществляют Гексли: их эмоции завораживают. Чувствуют настроения людей, могут, например, по голосу определить эмоциональное состояние человека. Эмоциональны, нуждаются в постоянном притоке новых впечатлений. В случае неудачи переживают ее бурно, но недолго. Могут быть экзальтированными, восторженными. В экстремальных ситуациях ориентируются быстро, могут вдохновить, подбодрить или успокоить окружающих.

Здесь сразу вспоминается его послание в Сибирь декабристам, придающее бодрости, вселяющее надежду:

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора…

О богатстве эмоций Пушкина мы можем судить и по его письму к А. П. Керн: «Приезжайте в Тригорское, и я обещаю вам, что буду необыкновенно любезен. Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг…».

Иногда Пушкин подчеркивал свою склонность к грусти и меланхолии, иногда проповедовал холодность. Однако он обычно не скрывал своих чувств, выражал их искренне и, по воспоминаниям современников, был пленительным, когда что-нибудь приятное волновало его, и неудержимым во гневе, когда сталкивался с высокомерием, хамством, подлостью.

Вот таков интуитивно-этический экстраверт. Общительный, веселый, очень любознательный, «пророк», любимец женщин и друзей, душа общества, неутомимый рассказчик. Таким был и наш прекрасный поэт. И может быть, наш разбор даст еще один ответ на вопрос, поставленный А. Ахматовой

Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать…

При подготовке статьи были использованы следующие книги:

1. *А. П. Керн. Воспоминания о Пушкине. М., 1988.*
2. *Вс. Н. Иванов. Александр Пушкин и его время. М., 1977.*
3. *С. С. Гейченко. У Лукоморья. Л., 1973.*
4. *Б. М. Шубин. Дополнение к портретам. М., 1985.*